

А. К. Писарчик в течение многих лет занимается изучением народной архитектуры и строительных ремесел. Ею опубликованы несколько специальных статей¹, разделы, посвященные жилищу, в сводной монографии², сделаны дополнения к двухтомному труду М. С. Андреева о таджиках долины Хуф³. Рассматриваемая нами новая публикация А. К. Писарчик запоздала по крайней мере на четверть века. Об этом нельзя не пожалеть теперь, когда это исследование, наконец, увидело свет. Рецензируемая книга — одно из недостававших звеньев в изучении, с одной стороны, среднеазиатского народного жилища, а с другой — искусства народной архитектуры и ремесла строителей. Старшее поколение этнографов, к которому принадлежит А. К. Писарчик, как и автор этих строк, уделяло много внимания одной из важных тем этнографии Средней Азии — теме ремесла. Еще в 20—30-е годы Е. М. Пещерева начала собирать материалы по ремеслу гончаров (ее книга — классический этнографический труд в этой области)⁴. Н. В. Русинова и О. А. Сухарева собирали данные по текстильным ремеслам, М. А. Бикжанова — по ювелирному ремеслу, П. А. Гончарова — по золотощвейному, а А. К. Писарчик — по строительным ремеслам. Ремесла рассматривались как одно из ярчайших проявлений национальных культурных традиций, соединение технических и художественных достижений народов Средней Азии на позднем этапе их феодальной истории.

В новой книге А. К. Писарчик рассматривается одно из локальных проявлений традиционной культуры зодчества, выросшее на почве древнего города, игравшего в течение многих веков важную роль в политической, хозяйственной и культурной жизни узбекского и таджикского народов (большая часть населения Самарканда и окружающего его оазиса — таджики).

Рассматривая архитектурные традиции Самарканда XIX—начала XX в., автор останавливается и на архитектуре и истории строительства квартальных мечетей, до сих пор в этом плане не изучавшихся, поскольку внимание историков архитектуры привлекали, естественно, прежде всего крупные средневековые культовые здания. Квартальные мечети играли в жизни населения особую роль: будучи местом отправления официального культа, мечеть считалась общественным центром квартальной общины. Там ежедневно или еженедельно собиралась значительная часть особенно именитых жителей квартала, обсуждались вопросы общественного быта, а нередко (в ремесленных кварталах) и производства. Здесь формировалось общественное мнение, отсюда распространялось влияние религиозной идеологии, подчинявшей себе всю жизнь народных масс. Сказанное выше показывает, насколько важно иметь конкретное представление об облике квартальных мечетей.

Поскольку квартальные мечети были показателями уровня благосостояния жителей квартала, на строительство их направлялись немалые по тому времени средства, позволяющие народным мастерам проявить свое искусство.

А. К. Писарчик характеризует архитектуру мечетей хотя и кратко, но обстоятельно. Собранные данные позволяют ей выделить основные типы квартальных мечетей.

Коротко описаны ею и типы планировки жилища. Автора можно упрекнуть только в том, что она недостаточно показала связь рассматриваемых ею планировок жилых домов с жизнью тех семей, для которых эти жилища строились; следовало сказать, кто жил в нескольких намеченных на планах жилых комнатах, как отражалась на планировке жилища структура обитавшей там семьи. Однако эти вопросы остались вне поля зрения А. К. Писарчик. Этот недочет имеет свое объяснение. Работа была задумана и осуществлена как исследование не столько жилища, сколько строительных ремесел. В этом — главное направление всего труда и его основное достоинство. Автором подробно описана строительная техника, охарактеризованы архитектурные детали и художественно-декоративные приемы, которые использовали в Самарканде XIX—начала XX в. народные мастера, носители древних культурных традиций.

В книге А. К. Писарчик рассматривается и сельское жилище. В окрестностях Самарканда состоятельные люди строили себе укрепленные усадьбы с высокими стенами оригинальной архитектуры, художественно оформленные резьбой по сырой глине. В конце XIX — начале XX в. такие усадьбы имели уже не оборонительное, а престижное значение (см. стр. 105), поэтому их отделка была предметом особого внимания хозяина и строителя. Изучение таких усадеб позволяет познакомиться с недостаточно известной областью народного прикладного искусства.

Более 30 фотографий укрепленных усадеб и 9 таблиц, в которые сведены детали художественного оформления, дают наглядное представление об их архитектуре. Обстоятельное описание как техники возведения таких построек, так и украшающих их стены

¹ А. К. Писарчик. Жилой городской дом Бухары и Хивы. — «Архитектура СССР», 1937, № 1; *е е ж е*. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины. — «Среднеазиатский этнографический сборник» («Труды Ин-та этнографии АН СССР», I. М., 1954, с. 216—298.

² «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. II. Душанбе, 1970, с. 19—116.

³ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II. Сталинабад, 1958, с. 420—486.

⁴ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М. — Л., 1959.

узор и изображений существенно дополняют имеющиеся в литературе сведения. Очень интересны приведенные автором данные о происхождении архитектуры укрепленных усадеб и о мастерах «жургонча», которые их возводили. Они получены больше 30 лет тому назад, а частично и позднее, из первых рук — от мастеров этого дела. Собранные А. К. Писарчик сведения говорят о том, что истоки усадебной архитектуры следует искать в Хорезме; от переселенцев (частично туркмен) их заимствовали местные мастера-таджики, которые ввели в отделку стен свои оригинальные элементы. Этот пример культурного взаимодействия, на котором останавливается А. К. Писарчик, представляет большой интерес, раскрывая пути развития и обогащения среднеазиатской культуры (в ее самаркандском варианте), создаваемой сообща разными народами и этнографическими группами, населяющими страну.

Публикуемые А. К. Писарчик материалы имеют значительную ценность не только в силу актуальности научной задачи (особенно в связи с разработкой темы «жилище» в историко-этнографическом атласе), но и потому, что она сумела еще в 30-х годах собрать сведения от старых мастеров. Благодаря А. К. Писарчик до нас дошли их воспоминания и специальные знания. Теперь это поколение мастеров, свидетелей последних этапов феодальной формации, уже ушло из жизни. Сохранение для науки их жизненного и профессионального опыта — большая удача и заслуга А. К. Писарчик.

Нельзя не отметить терминологического богатства книги: здесь собраны употреблявшиеся мастерами названия строительных деталей и приемов, частей зданий и орнаментов. Это тем более важно, что в современной архитектуре эти термины, сложившиеся в процессе развития строительных ремесел, совсем не употребляются; они либо уже совсем забыты, либо забываются. А ведь это часть культурного наследия, которую надо сохранить.

Очень обогащают книгу иллюстрации, многие из них уникальны и вводят в научный оборот новые памятники и новые образцы народного искусства. Нельзя не пожалеть, что недостаточное качественное полиграфическое воспроизведение не дало им «прозвучать» в полный голос.

Рецензируемая книга — достойное продолжение осуществленных таджикскими этнографами тапиринтных изданий, неизменным редактором которых является А. К. Писарчик⁵. Об этой серии выпущенных друг за другом на протяжении последних лет книг, скромных по выполнению, но внесших весомый вклад в этнографию таджиков, следовало бы уже поговорить в целом, особенно потому, что они дополняют типографские издания, выпущенные тем же коллективом, во всех работах которого проявляется единое направление — планомерно, не одно десятилетие осуществляемое сплошное этнографическое обследование республики⁶. Теперь эта планомерная и длительная работа приносит свои плоды.

О. А. Сухарева

⁵ М. С. Андреев. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970; М. С. Андреев, О. Д. Чехович. Арк Бухары в конце XIX — начале XX в. Душанбе, 1972; М. А. Хамиджанова. Материальная культура матчинцев. Душанбе, 1974.

⁶ «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. I. Душанбе, 1966; «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. II; «Материальная культура таджиков верховья Зерафшана». Душанбе, 1973.

Кобланды-батыр. Казахский героический эпос. Қобланды батыр. Қазақ, халқының батырлық, эпосы. М., 1975, 445 стр.

Рецензируемая книга вышла в серии «Эпос народов СССР», издаваемой Институтом мировой литературы АН СССР в содружестве с научными учреждениями ряда республик Советского Союза.

Структура этих изданий едина: «Каждая книга серии включает разделы: краткое исследование, дающее историческую оценку и художественную характеристику издаваемого памятника; текст эпоса на языке оригинала и его перевод...; приложение — комментарии, примечания, сведения о сказителях, от которых записан текст эпоса, и др. (стр. 7). Здесь не отмечены историографические материалы о собирателях и исследователях эпоса того или иного народа и библиографические данные, которые существенно повышают значимость серии. Эпосу тюркоязычных народов в серии посвящены еще три публикации¹.

В книгу входят: предисловие, вступительная статья Н. В. Кидайш-Покровской и О. А. Нурмагамбетовой, текст эпоса на казахском языке; перевод текста на русский язык, выполненный обеими составительницами. В приложениях даны «Описание вариантов героико-эпической поэмы „Кобланды-батыр“»; нотные записи мелодий эпоса

¹ «Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романический эпос», М., 1971; «Рустамхан. Узбекский героико-романический эпос», М., 1972; «Маадай-Кара. Алтайский героический эпос», М., 1973.